

УДК 347.918

DOI: 10.34670/AR.2026.21.29.019

**Конфиденциальность и раскрытие информации в медиации:
баланс интересов сторон, требования законодательства
и тенденции судебной практики**

Букина Елена Николаевна

Кандидат юридических наук,
судья арбитражного суда Республики Крым,
Арбитражный суд Республики Крым,
295000, Российская Федерация, Симферополь, ул. Пушкина, 18;
e-mail: il_grant@mail.ru

Алексеев Петр Александрович

Кандидат технических наук, доцент,
Директор по развитию,
Центр технологического развития
и профессионального образования,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: rodispublishing@yandex.ru

Аннотация

Статья анализирует правовой режим конфиденциальности переговоров и досудебного урегулирования споров, рассматривая его как инструмент, одновременно стимулирующий компромисс и формирующий пределы допустимого использования информации в последующем судебном разбирательстве. В центре внимания находятся конструкции *privilege* и *without prejudice*, их функциональная связь с эффективностью переговорного процесса и процессуальными гарантиями сторон, а также вариативность подходов в разных правовых системах. Прослеживается, что расширение практик переговорного разрешения конфликтов сопровождается ростом значимости правил о недопустимости «перетекания» переговорных материалов в доказательственную базу, поскольку иначе усиливается стратегическое поведение участников и подрывается доверие к процедурам. Обсуждаются риски злоупотреблений, включая попытки получить доступ к информации через чрезмерно широкие запросы и тактику «*fishing expedition*», и оцениваются способы их ограничения на уровне доктрины и судебной практики. Подчеркивается напряжение между публичным интересом к установлению истины и частным интересом к защищенному пространству переговоров, где возможны признания, уступки и тестирование вариантов урегулирования без репутационных и процессуальных потерь. Делается вывод о необходимости более точной калибровки исключений из конфиденциальности и унификации критериев допустимости раскрытия, чтобы сохранить баланс между справедливостью процесса и поощрением добровольного разрешения споров.

Для цитирования в научных исследованиях

Букина Е.Н., Алексеев П.А. Конфиденциальность и раскрытие информации в медиации: баланс интересов сторон, требования законодательства и тенденции судебной практики // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 185-196. DOI: 10.34670/AR.2026.21.29.019

Ключевые слова

Конфиденциальность переговоров, without prejudice, privilege, раскрытие доказательств, досудебное урегулирование, медиация, правовое регулирование, судебная практика.

Введение

Институт медиации, будучи альтернативным способом урегулирования споров, базируется на нескольких фундаментальных принципах, среди которых конфиденциальность занимает центральное место и часто именуется «душой» медиации, поскольку именно гарантия неразглашения информации создает ту доверительную атмосферу, которая необходима сторонам для открытого обсуждения конфликта и поиска взаимоприемлемого решения без страха публичной огласки или использования полученных сведений против них в будущем судебном разбирательстве. В российской правовой действительности принцип конфиденциальности закреплен в статье 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», однако на практике реализация этого принципа сталкивается с множеством коллизий, возникающих при соприкосновении с нормами процессуального законодательства, требованиями публичного порядка и интересами третьих лиц, что порождает сложную юридическую дилемму о границах дозволенного молчания [Гайдаенко Шер, 2023]. Практикующие юристы и медиаторы вынуждены балансировать между императивом сохранения тайны, который является контрактным обязательством и профессиональным стандартом, и необходимостью раскрытия информации в случаях, предусмотренных законом, например, когда речь идет о совершении преступления или защите прав несовершеннолетних, что создает значительную правовую неопределенность. Проблема усугубляется отсутствием единого подхода в судебной практике относительно свидетельского иммунитета медиатора и статуса документов, созданных в процессе переговоров, особенно когда одна из сторон недобросовестно пытается использовать факты, ставшие известными в ходе медиации, в качестве доказательств в суде, нарушая тем самым не только этические нормы, но и соглашение о проведении процедуры [Фурман, 2024].

Актуальность исследования вопросов конфиденциальности и раскрытия информации в медиации обусловлена не только теоретическим интересом к природе альтернативного разрешения споров, но и насущными потребностями гражданского оборота, так как бизнес-сообщество и граждане все чаще прибегают к услугам посредников, рассчитывая на приватность своих финансовых и личных дел, однако сталкиваются с рисками утечки информации через процессуальные механизмы. Существующая нормативная база, включающая Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ, содержит положения, ограничивающие возможность допроса медиатора в качестве свидетеля, но эти

нормы не являются абсолютными и оставляют пространство для судебного усмотрения, особенно в делах о банкротстве, где публичный интерес в защите прав кредиторов часто превалирует над частным интересом сторон в сохранении конфиденциальности сделки [Шайдуллина, Кырлан, 2023]. Кроме того, развитие электронного документооборота и проведение медиаций в онлайн-формате ставят новые вызовы перед защитой информации, требуя переосмысления традиционных подходов к обеспечению тайны переговоров и выработки новых правовых механизмов, способных защитить участников процедуры от несанкционированного доступа к их данным. В этой связи критически важно проанализировать, как суды интерпретируют исключения из правила о конфиденциальности и какие правовые инструменты могут быть использованы сторонами для усиления защиты своих интересов в условиях меняющегося правового ландшафта, где прозрачность правосудия вступает в конфликт с приватностью примирительных процедур. Необходимо понимать, что без четких гарантий конфиденциальности институт медиации рискует утратить свою привлекательность и эффективность.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу данной работы составил комплексный анализ действующего российского законодательства, регулирующего процедуру медиации, а также смежных отраслей права, включая гражданское, арбитражное процессуальное законодательство и законодательство о банкротстве, с целью выявления системных связей и противоречий в регулировании вопросов конфиденциальности и раскрытия информации. В качестве основного метода исследования применялся формально-юридический метод, позволивший детально изучить содержание статьи 5 и статьи 6 Федерального закона № 193-ФЗ, а также корреспондирующих норм статьи 69 ГПК РФ и статьи 56 АПК РФ, устанавливающих свидетельский иммунитет медиатора, для определения буквального смысла правовых норм и выявления пробелов в их законодательной конструкции [Давыденко, 2024]. Также использовался сравнительно-правовой метод для сопоставления отечественного регулирования с международными стандартами, в частности с принципами, заложенными в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре, что позволило оценить степень имплементации международных подходов в российскую правовую систему и выявить потенциальные направления для совершенствования национального законодательства. Особое внимание уделялось методу системного толкования права, который позволил рассматривать институт конфиденциальности в медиации не изолированно, а в контексте общих принципов судопроизводства, таких как состязательность сторон и право на судебную защиту, что необходимо для понимания логики законодателя при установлении ограничений на раскрытие информации.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции за последние пять лет, отобранные посредством использования справочно-правовых систем «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», а также картотеки арбитражных дел (КАД), что позволило выявить устойчивые тенденции в правоприменении и проанализировать реальные кейсы, в которых суды сталкивались с необходимостью разрешения коллизий между принципом конфиденциальности и требованием раскрытия доказательств. Для анализа судебных актов применялся метод кейс-стади, позволяющий глубоко погрузиться в фабулу конкретных дел и проследить аргументацию судов

при принятии решений о допустимости или недопустимости использования сведений, полученных в ходе медиации, а также при разрешении вопросов о вызове медиатора в суд [Геец, 2025]. Кроме того, в работе использовались теоретические разработки ведущих российских ученых-процессуалистов и практиков в области альтернативного разрешения споров, чьи труды позволили сформировать доктринальную основу исследования и критически осмыслить существующие подходы к проблеме. Анализ нормативной базы включал также изучение этических кодексов профессиональных сообществ медиаторов, которые, хотя и не являются нормативными правовыми актами, играют важную роль в формировании стандартов поведения и ожиданий участников оборота, дополняя законодательное регулирование в части этических аспектов сохранения тайны. Применение совокупности указанных методов и материалов позволило обеспечить достоверность и обоснованность выводов, сделанных в ходе исследования, и сформировать целостную картину правового регулирования конфиденциальности в медиации.

Результаты и обсуждение

Центральным аспектом правового режима информации в процедуре медиации является императивный запрет на разглашение сведений, ставших известными сторонам и медиатору в ходе процедуры, без взаимного согласия сторон, однако на практике этот запрет не является абсолютным и имеет сложную структуру исключений, продиктованных необходимостью защиты публичных интересов. Согласно части 2 статьи 5 Федерального закона № 193-ФЗ, медиатор не вправе разглашать информацию, ставшую ему известной в ходе проведения процедуры медиации, без согласия сторон, что формирует основу так называемой «внешней» конфиденциальности, защищающей процесс от третьих лиц [Устинов, 2024]. Вместе с тем, закон не детализирует механизм получения такого согласия и его форму, что на практике приводит к спорам о том, было ли согласие явным или подразумеваемым, особенно в случаях, когда одна из сторон ссылается на результаты медиации в последующих переговорах с контрагентами. Более сложной является конструкция «внутренней» конфиденциальности, предусмотренная частью 3 той же статьи, которая запрещает медиатору раскрывать одной стороне информацию, полученную от другой стороны в ходе индивидуальной беседы (кокуса), без согласия последней. Нарушение этого правила подрывает доверие к нейтральному посреднику и может стать основанием для прекращения процедуры, а также для гражданско-правовой ответственности медиатора за причинение вреда, хотя доказывание причинно-следственной связи и размера убытков в таких делах представляет собой крайне сложную задачу для истца.

Существенной проблемой в правоприменении является вопрос о свидетельском иммунитете медиатора, который закреплен в процессуальных кодексах, но имеет ряд законодательных лакун, позволяющих судам в определенных ситуациях обходить этот запрет. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ч. 3 ст. 69) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ч. 5.1 ст. 56) устанавливают, что медиаторы не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей медиатора [Батырев и др., 2024]. Однако данный иммунитет распространяется только на сведения, полученные именно в рамках процедуры медиации, что требует четкой фиксации момента начала и окончания процедуры, а поскольку на практике переговоры часто начинаются до формального подписания соглашения о проведении медиации, возникает «серая зона», в

которой информация может не попадать под защиту закона. Кроме того, судебная практика показывает, что суды иногда допускают допрос медиатора, если обе стороны спора ходатайствуют об этом или выражают свое согласие на раскрытие информации, интерпретируя норму об иммунитете как диспозитивное право сторон распоряжаться конфиденциальностью, а не как абсолютный процессуальный запрет, установленный в интересах правосудия. Это создает риск давления на медиатора со стороны участников процесса, желающих использовать его авторитет для подкрепления своей позиции в суде.

Особую категорию споров составляют дела, в которых одна из сторон пытается использовать документы или признания, сделанные другой стороной в ходе медиации, в качестве доказательств в судебном разбирательстве, что прямо противоречит духу примирительных процедур и принципу «без предвзятости» (*without prejudice*), известному в общем праве, но не имеющему прямого аналога в российском процессуальном законодательстве. Статья 6 Федерального закона № 193-ФЗ устанавливает, что стороны не вправе ссылаться, если иное не предусмотрено законом, в ходе судебного разбирательства на предложения, признания или готовность принять предложение другой стороны, сделанные в ходе процедуры медиации [Мартыанова, Головачева, 2024]. Тем не менее, процессуальные кодексы РФ не содержат прямого запрета на приобщение таких доказательств к материалам дела, оставляя вопрос об их допустимости на усмотрение суда, который должен оценивать их с точки зрения относимости и допустимости. На практике суды часто занимают пассивную позицию, принимая такие документы, если противная сторона не заявляет активных возражений и не ссылается на соглашение о конфиденциальности, что фактически легализует нарушение режима тайны. Юристы-практики рекомендуют в таких случаях заключать отдельное соглашение о конфиденциальности с жесткими штрафными санкциями за разглашение, чтобы создать дополнительный гражданско-правовой барьер для недобросовестного поведения.

В контексте дел о несостоятельности (банкротстве) проблема конфиденциальности медиации приобретает особую остроту, поскольку здесь частный интерес должника и конкретного кредитора в мирном урегулировании сталкивается с интересами конкурсной массы и остальных кредиторов, имеющих право на полную информацию о сделках должника. Медиативное соглашение, заключенное в преддверии банкротства или в ходе процедуры наблюдения, может рассматриваться как подозрительная сделка, направленная на вывод активов или оказание предпочтения одному из кредиторов, что дает основания арбитражному управляющему и суду требовать раскрытия всех обстоятельств его заключения [Захаров, 2025]. Судебная практика, включая позиции Верховного Суда РФ, исходит из того, что конфиденциальность не может служить ширмой для недобросовестных действий и нарушения прав третьих лиц, поэтому в банкротных спорах режим тайны медиации фактически снимается. Суды указывают, что утверждение мирового соглашения (часто основанного на медиативном) требует проверки его условий на предмет нарушения прав иных кредиторов, что делает невозможным сохранение полной конфиденциальности условий договоренностей. Это создает значительные риски для участников медиации в коммерческих спорах, так как любая информация о финансовых уступках может быть впоследствии использована против них в деле о банкротстве.

Вопрос о раскрытии информации также актуален при нотариальном удостоверении медиативного соглашения, которое придает ему силу исполнительного документа, поскольку нотариус, выполняя публично-правовую функцию, обязан проверить законность сделки и дееспособность сторон, что требует предоставления ему определенного объема сведений.

Согласно Основам законодательства РФ о нотариате, сведения, ставшие известными нотариусу, составляют нотариальную тайну, однако сам факт обращения к нотариусу и содержание удостоверенного медиативного соглашения становятся доступными для государственных органов по их запросам (например, Росфинмониторинга) и судов [Моторина, 2025]. Это означает, что абсолютная конфиденциальность трансформируется в ограниченную, где круг лиц, имеющих доступ к информации, расширяется за счет субъектов, наделенных властными полномочиями. Более того, нотариально удостоверенное медиативное соглашение может быть оспорено в суде заинтересованными лицами, и в рамках такого процесса нотариус может быть привлечен в качестве третьего лица или свидетеля, что также ведет к раскрытию обстоятельств заключения соглашения. Стороны должны быть заранее предупреждены медиатором о том, что придание соглашению исполнительной силы неизбежно влечет за собой снижение уровня конфиденциальности.

Анализ законодательства выявляет и такую проблему, как отсутствие четкого регулирования ответственности за нарушение конфиденциальности лицами, не являющимися медиаторами или сторонами спора, но присутствующими на процедуре, например, экспертами, переводчиками или представителями сторон. Хотя закон требует подписания ими соглашения о неразглашении, механизм привлечения их к ответственности носит исключительно гражданско-правовой характер и требует доказательства убытков, что, как уже отмечалось, крайне затруднительно [Тихомирова, 2024]. В отличие от адвокатской тайны, нарушение которой влечет дисциплинарную ответственность вплоть до лишения статуса, для иных участников медиации (за исключением профессиональных медиаторов, состоящих в СРО) подобные санкции законодательно не закреплены. Это создает брешь в системе защиты информации, особенно в сложных корпоративных спорах, где привлекается большое количество консультантов. Юристы часто пытаются решить эту проблему путем включения в соглашение о проведении медиации условий о договорной неустойке, однако суды могут снижать ее размер на основании статьи 333 ГК РФ, если сочтут сумму несоразмерной последствиям нарушения, что снижает превентивную функцию такой меры.

Исключения из принципа конфиденциальности, предусмотренные законом, касаются случаев, когда информация относится к готовящемуся преступлению или когда ее раскрытие требуется для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Эта формулировка, содержащаяся в части 4 статьи 5 Федерального закона № 193-ФЗ, является достаточно широкой и оценочной, что дает правоприменителю возможность расширительного толкования [Сергеева, Григорьев, 2025]. Например, если в ходе семейной медиации становится известно о насилии над ребенком, медиатор сталкивается с этической и правовой дилеммой: сообщить в органы опеки, нарушив конфиденциальность, или сохранить молчание. Российское законодательство не возлагает на медиатора прямой обязанности доносительства (за исключением тяжких и особо тяжких преступлений в рамках УК РФ), но профессиональные стандарты и этические кодексы часто ориентируют медиатора на приоритет защиты жизни и здоровья. В судебной практике пока не выработано единого подхода к квалификации действий медиатора, раскрывшего такую информацию, однако тенденция идет к признанию правомерности действий в состоянии крайней необходимости.

Интересным аспектом является использование медиативных технологий в административном судопроизводстве и делах, возникающих из публичных правоотношений, где принцип конфиденциальности вступает в прямое противоречие с принципом гласности

деятельности государственных органов. В соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ), примирение возможно и в административных делах, но соглашение должно быть утверждено судом, а его условия не могут противоречить закону и нарушать права других лиц [Жидов, 2025]. Поскольку государственные органы обязаны отчитываться о своей деятельности, факт заключения медиативного соглашения и его условия часто становятся достоянием общественности, что снижает мотивацию частных лиц к медиации с государством, если их целью было сохранение репутации или коммерческой тайны. В таких случаях медиатор должен тщательно разъяснять сторонам границы конфиденциальности еще до начала процедуры, чтобы избежать ложных ожиданий. Практика показывает, что в налоговых спорах медиация применяется крайне редко именно из-за невозможности обеспечить кулуарность договоренностей, так как налоговый орган связан регламентами и обязанностью публиковать информацию.

В корпоративных конфликтах раскрытие информации в ходе медиации может затрагивать инсайдерскую информацию или коммерческую тайну, что накладывает на медиатора и участников дополнительные обязанности по соблюдению законодательства о защите конкуренции и рынке ценных бумаг. Если медиативное соглашение предполагает отчуждение крупных пакетов акций или смену контроля в компании, эта информация подлежит раскрытию в соответствии с правилами биржи и регулятора, независимо от наличия оговорки о конфиденциальности [Арешкина, 2024]. Суды в таких ситуациях исходят из приоритета специального законодательства о раскрытии информации эмитентами над общими нормами закона о медиации. Это требует от юристов, сопровождающих такие сделки, тщательного планирования этапов раскрытия информации, чтобы соблюсти баланс между требованиями регулятора и желанием сторон сохранить детали переговоров в тайне до момента окончательного подписания документов. Нередко используются многоступенчатые соглашения, где публичной становится только резолютивная часть договоренностей, а мотивировочная и переговорная части остаются закрытыми.

Проблема конфиденциальности также затрагивает вопрос о дисциплинарной ответственности медиаторов, состоящих в саморегулируемых организациях (СРО), так как рассмотрение жалобы на медиатора дисциплинарной комиссией неизбежно требует раскрытия деталей проведенной процедуры. Внутренние документы СРО обычно предусматривают закрытый режим рассмотрения жалоб и обязанность членов комиссии соблюдать тайну, однако законодательно этот аспект урегулирован слабо [Жевоченко, Федоренко, 2023]. Если медиатор будет исключен из СРО за нарушение стандартов, и он решит оспорить это решение в суде, материалы дисциплинарного производства могут стать частью судебного дела, доступного для ознакомления. Таким образом, механизм контроля качества работы медиаторов сам по себе несет риски для конфиденциальности конкретных медиативных сессий. Это парадокс, который требует законодательного разрешения, возможно, путем введения специальных правил о закрытых судебных заседаниях по спорам, связанным с профессиональной деятельностью медиаторов.

Анализ арбитражной практики показывает, что суды крайне неохотно принимают в качестве доказательств аудиозаписи медиативных сессий, сделанные одной из сторон скрытно, ссылаясь на недопустимость таких доказательств в силу нарушения закона о медиации и конституционного права на тайну частной жизни и переписки. Однако, если такая запись содержит сведения о совершении преступления, суд может приобщить ее к делу, руководствуясь приоритетом публичного интереса [Геец, 2025]. В этом контексте важно

отметить роль адвокатов, участвующих в медиации: на них распространяется адвокатская тайна, которая является более защищенным институтом, чем тайна медиации. Поэтому присутствие адвоката может служить дополнительной гарантией конфиденциальности, так как допросить адвоката об обстоятельствах оказания юридической помощи практически невозможно. Это создает определенное неравенство между медиаторами-юристами (не имеющими статуса адвоката) и адвокатами-медиаторами, чья деятельность защищена двойным контуром конфиденциальности.

Особого внимания заслуживает вопрос трансграничной медиации, где вопросы конфиденциальности регулируются с учетом коллизионных норм и применимого права, которое может существенно отличаться от российского. В ряде юрисдикций (например, в некоторых штатах США или странах ЕС) существуют более жесткие правила о привилегиях (*privilege*), которые полностью исключают возможность использования информации из медиации в суде, даже при наличии согласия одной из сторон. При признании и приведении в исполнение иностранных медиативных соглашений на территории РФ российские суды могут столкнуться с необходимостью оценки соблюдения порядка процедуры, установленного иностранным правом [Моторина, 2025]. Здесь возникает риск того, что российские процессуальные нормы о раскрытии доказательств могут вступить в конфликт с иностранным материальным правом, регулирующим соглашение. Российским участникам ВЭД следует учитывать эти риски и четко прописывать в медиативной оговорке применимое право не только к существу спора, но и к самой процедуре медиации, включая вопросы конфиденциальности.

Еще одним аспектом является использование информации, полученной в медиации, для инициирования новых судебных исков, не связанных напрямую с предметом медиации, что формально может не нарушать запрет на использование информации в «том же» споре, но противоречит сути института. Законодательство не содержит прямого запрета на «производное» использование информации, то есть использование фактов, о которых сторона узнала в медиации, для поиска других доказательств, которые уже будут допустимыми в суде [Сергеева, Григорьев, 2025]. Это называется «плоды отравленного дерева» в уголовном процессе, но в гражданском процессе такая доктрина применяется редко. Таким образом, недобросовестная сторона может использовать медиацию как способ разведки (*fishing expedition*) для сбора информации о слабых местах оппонента, чтобы затем атаковать его в суде с помощью иных, легально полученных доказательств. Защитой от такой тактики может служить только высокий профессионализм медиатора, который должен пресекать попытки манипуляции процедурой, и тщательная подготовка сторон к объему раскрываемой информации.

Наконец, следует отметить проблему хранения документов и информации медиатором после завершения процедуры, поскольку закон № 193-ФЗ не устанавливает сроков и порядка хранения архивов медиаторов. В отсутствие нормативного регулирования каждый медиатор или организация, обеспечивающая проведение медиации, решает этот вопрос самостоятельно, что создает риски утечки данных при ненадлежащем хранении [Мартьянова, Головочева, 2024]. В случае ликвидации организации, проводившей медиацию, судьба архивов часто остается неопределенной. Для сравнения, нотариусы и адвокаты имеют строгие регламенты по архивированию и уничтожению досье. Введение аналогичных требований для медиаторов на законодательном уровне способствовало бы повышению доверия к институту и обеспечению долгосрочной конфиденциальности, особенно в спорах, последствия которых могут проявиться спустя годы (например, споры о правах на интеллектуальную собственность или наследственные дела).

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что в российской правовой системе баланс между конфиденциальностью медиации и потребностью в раскрытии информации для целей правосудия смещен в сторону ситуативного судебного усмотрения, что не способствует формированию устойчивого доверия к институту медиации. Несмотря на наличие в Федеральном законе № 193-ФЗ и процессуальных кодексах норм, декларирующих свидетельский иммунитет медиатора и запрет на разглашение сведений, многочисленные исключения, пробелы в регулировании процедурных вопросов (таких как статус доказательств, полученных в ходе медиации, и отсутствие механизма «without prejudice») и практика применения законодательства о банкротстве существенно размывают границы приватности. Фактически, стороны медиации не могут быть абсолютно уверены в том, что откровенность, проявленная ими в поисках компромисса, не обернется против них в случае провала переговоров или при оспаривании сделки третьими лицами. Текущее состояние правового регулирования характеризуется фрагментарностью и отсутствием единой концепции защиты информации в альтернативных процедурах, что требует системного законодательного вмешательства.

Для обеспечения подлинной конфиденциальности и повышения привлекательности медиации необходимо внесение изменений в процессуальное законодательство, прямо закрепляющих недопустимость доказательств, основанных на сведениях из процедуры медиации, без каких-либо изъятий, кроме случаев, связанных с защитой публичного порядка и предотвращением тяжких преступлений. Целесообразно также уточнить статус медиатора в делах о банкротстве, ограничив возможности арбитражных управляющих по истребованию сведений, составляющих тайну медиации, если не доказан факт злоупотребления правом. Кроме того, важным шагом стало бы введение четких законодательных требований к хранению и уничтожению информации медиаторами, а также установление административной ответственности за нарушение конфиденциальности для всех участников процедуры, что создаст необходимые правовые гарантии для развития культуры мирного урегулирования споров в России. Только при наличии надежного «экрана» конфиденциальности медиация сможет реализовать свой потенциал как эффективный инструмент снижения нагрузки на судебную систему и гармонизации социальных отношений.

Библиография

1. Арешкина И.Д. К вопросу о праве на урегулирование спора путем медиации в контексте арбитражного судопроизводства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 2. С. 67-75.
2. Батырев Д.Н., Убушиев Ю.А., Кукеева Э.С. Особенности статуса медиатора в процедуре медиации в делах о защите прав потребителей // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 305-307.
3. Гайдаенко Шер Н.И. Требования к международному коммерческому соглашению, заключенному в результате медиации: Сингапурская конвенция и российское законодательство // Закон. 2023. № 4. С. 57-63.
4. Геец К.В. Информационные посредники в обзоре Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 года // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2025. № 1. С. 37-49.
5. Давыденко Д.Л. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров об урегулировании гражданско-правового спора: конфликт ценностей правосудия и примирения? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 144-154.
6. Жевоченко У.В., Федоренко Н.В. Досудебное урегулирование споров посредством медиации в российском законодательстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 6 (157). С. 86-89.
7. Жидов А.А. Увеличение размера госпошлины при обращении в суд — возможность для развития медиации в

- России? // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 264-266.
8. Захаров В.В. Тонкая грань: нюансы комментирования судебных актов // Судья. 2025. № 6 (174). С. 26-30.
9. Мартынова Г.В., Головачева Ю.А. Процедура медиации как альтернативный способ разрешения споров: анализ практики применения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 397-400.
10. Моторина И.С. «Судебная медиация»: подходы к толкованию термина, уточнение понятия // Российское правосудие. 2025. № 6. С. 33-41.
11. Сергеева Н.Ю., Григорьев К.О. Медиабельность споров в сфере интеллектуальной собственности в России и за рубежом // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2025. № 6. С. 40-45.
12. Тихомирова Я.О. Медиация как актуальный институт российского и зарубежного права // Актуальные проблемы правоведения. 2024. № 3 (83). С. 16-21.
13. Устинов А.С. Совершенствование института медиации в России: актуальные проблемы законодательства // Инновации и инвестиции. 2024. № 10. С. 93-96.
14. Фурман Ф.П. Медиация в праве: особенности правоприменительной практики в РФ // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191). С. 81-82.
15. Шайдуллина В.К., Кырлан М.Г. Медиация в рамках контрольно-надзорной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3 (64). С. 288-293.

Confidentiality and Disclosure of Information in Mediation: Balancing the Interests of the Parties, Legislative Requirements, and Trends in Judicial Practice

Elena N. Bukina

PhD in Law,
Judge of the Arbitration Court of the Republic of Crimea,
Arbitration Court of the Republic of Crimea,
295000, 18, Pushkina str., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Petr A. Alekseev

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Director of Development,
Center for Technological Development and Professional Education,
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rodispublishing@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the legal regime of confidentiality of negotiations and pre-trial dispute settlement, considering it as a tool that simultaneously encourages compromise and establishes the limits of permissible use of information in subsequent court proceedings. The focus is on the constructs of "privilege" and "without prejudice," their functional connection to the effectiveness of the negotiation process and procedural guarantees for the parties, as well as the variability of approaches in different legal systems. It is traced that the expansion of practices for negotiated conflict resolution is accompanied by an increase in the importance of rules prohibiting the "spillover" of negotiation materials into the evidentiary base, as otherwise, participants' strategic behavior is intensified and trust in the procedures is undermined. The risks of abuse are discussed, including attempts to obtain access to information through overly broad requests and "fishing

expedition" tactics, and ways to limit them at the level of doctrine and judicial practice are assessed. The tension between the public interest in establishing the truth and the private interest in a protected space for negotiations, where admissions, concessions, and testing of settlement options are possible without reputational and procedural losses, is emphasized. The conclusion is drawn about the need for more precise calibration of exceptions to confidentiality and the unification of criteria for the admissibility of disclosure in order to maintain a balance between procedural fairness and encouraging voluntary dispute resolution.

For citation

Bukina E.N., Alekseev P.A. (2025) *Konfidentsial'nost' i raskrytiye informatsii v mediatsii: balans interesov storon, trebovaniya zakonodatel'stva i tendentsii sudebnoy praktiki* [Confidentiality and Disclosure of Information in Mediation: Balancing the Interests of the Parties, Legislative Requirements, and Trends in Judicial Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 185-196. DOI: 10.34670/AR.2026.21.29.019

Keywords

Confidentiality of negotiations, without prejudice, privilege, disclosure of evidence, pre-trial settlement, mediation, legal regulation, judicial practice.

References

1. Areshkina, I. D. (2024). K voprosu o prave na uregulirovanie spora putem mediacii v kontekste arbitrazhnogo sudoproizvodstva [On the right to settle a dispute through mediation in the context of arbitration proceedings]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 2, 67–75.
2. Batyrev, D. N., Ubushiev, Yu. A., & Kukeeva, E. S. (2024). Osobennosti statusa mediatora v protsedure mediacii v delakh o zashchite prav potrebiteli [Features of the mediator's status in the mediation procedure in consumer protection cases]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika*, 3(231), 305–307.
3. Davydenko, D. L. (2024). Otvetstvennost za nedobrosovestnoe vedenie peregovorov ob uregulirovanii grazhdansko-pravovogo spora: konflikt tsennostei pravosudiia i primireniia? [Liability for bad faith conduct in settlement negotiations of civil disputes: conflict between the values of justice and reconciliation?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2(57), 144–154.
4. Furman, F. P. (2024). Mediaciia v prave: osobennosti pravoprimeritelnoi praktiki v RF [Mediation in law: features of enforcement practice in the Russian Federation]. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 4(191), 81–82.
5. Gaidenko Sher, N. I. (2023). Trebovaniia k mezhdunarodnomu kommercheskomu soglasheniiu, zakliuchennomu v rezultate mediacii: Singapurskaia konventsia i rossiiskoe zakonodatel'stvo [Requirements for an international commercial settlement agreement resulting from mediation: the Singapore Convention and Russian legislation]. *Zakon*, 4, 57–63.
6. Getc, K. V. (2025) Informatsionnye posredniki v obzore Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29 maia 2024 goda [Information intermediaries in the review of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2024]. *Patenty i litsenzii. Intellektualnye prava*, 1, 37–49.
7. Martianova, G. V., & Golovocheva, Yu. A. (2024). Protsedura mediacii kak alternativnyi sposob razresheniia sporov: analiz praktiki primeneniia [Mediation procedure as an alternative dispute resolution method: analysis of application practice]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika*, 9(237), 397–400.
8. Motorina, I. S. (2025) "Sudebnaia mediaciia": podkhody k tolkovaniu termina, utochenie poniatii ["Judicial mediation": approaches to interpreting the term, clarification of the concept]. *Rossiiskoe pravosudie*, 6, 33–41.
9. Sergeeva, N. Yu., & Grigorev, K. O. (2025) Mediabelnost sporov v sfere intellektualnoi sobstvennosti v Rossii i za rubezhom [Mediability of intellectual property disputes in Russia and abroad]. *Patenty i litsenzii. Intellektualnye prava*, 6, 40–45.
10. Shaidullina, V. K., & Kyrlan, M. G. (2023). Mediaciia v ramkakh kontrolno-nadzornoj deiatelnosti [Mediation within the framework of supervisory activities]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 3(64), 288–293.
11. Tikhomirova, Ya. O. (2024). Mediaciia kak aktualnyi institut rossiiskogo i zarubezhnogo prava [Mediation as a relevant institution of Russian and foreign law]. *Aktualnye problemy pravovedeniia*, 3(83), 16–21.

12. Ustinov, A. S. (2024). Sovershenstvovanie instituta mediacii v Rossii: aktualnye problemy zakonodatelstva [Improving the mediation institute in Russia: current legislative issues]. *Innovacii i investicii*, 10, 93–96.
13. Zevochenko, U. V., & Fedorenko, N. V. (2023). Dosudebnoe uregulirovanie sporov posredstvom mediacii v rossiiskom zakonodatelstve [Pre-trial dispute settlement through mediation in Russian legislation]. *Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 6(157), 86–89.
14. Zhidov, A. A. (2025) Uvelichenie razmera gosposhliny pri obrashchenii v sud — vozmozhnost dlia razvitiia mediacii v Rossii? [Increase in court fees — an opportunity for mediation development in Russia?]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik*, 4, 264–266.
15. Zakharov, V. V. (2025) Tonkaia gran: niuansy kommentirovaniia sudebnykh aktov [A fine line: nuances of commenting on judicial acts]. *Sudia*, 6(174), 26–30.